

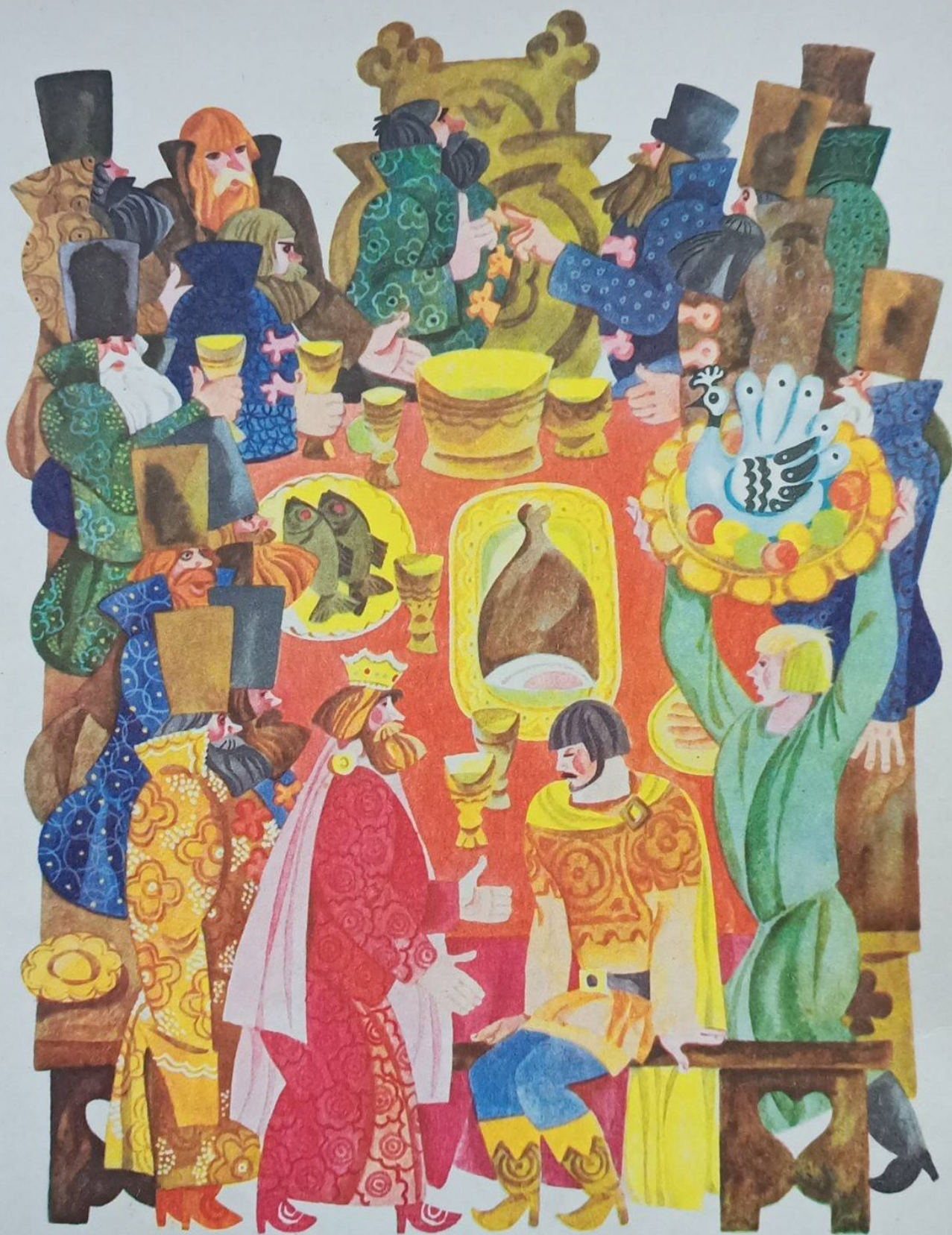
ВАСИЛИСА ПИКУЛИЧНА И СТАВЁР ГОДИНОВИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“ • 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“, МОСКВА • 1975

славном городе было во Кieve, у стольного князя у Владимира шёл пир-горой, пированьице. Подколенные князья со боярами, именитые люди горговые и все гости званые на том пиру наедались, напивались, порасхвастались. Один хвалится силой-храбростью, другой хвастает своей знатностью, третий хвастает богатством; кто-то хвалится дорогим конём, иной хвастает шелковым портём; умный хвалится отцом-матерью, а глупый хвастает молодой женой.

А один гость за столом сидит не ест, не пьёт, не кушает, белой лебеди не рушает и ничем не похваляется.

Подошёл к нему Владимир-князь, начал спрашивать, стал добру молодцу выговаривать:

— Ты чего, славный гость земли Черниговской, молодой Ставёр Годинович, не пьёшь, не ешь, не кушаешь, белой лебеди не рушаешь да ничем и не хвалишься? Аль нет у тебя золотой казны, нету городов с пригородками да богатых сёл с присёлками. Аль не славны твои отец с матерью?

Отвечает Ставёр, сын Годинович:

— Золотая казна у меня не тощится, да не гоже тем добру молодцу выхвалятися. Зёмли мои не меряны, а на тех зёмлях стоят города с пригородками, богатые сёла с присёлками и то мне молодцу не в похвальбу. Табуны мо-

их коней не считаны, а всего добра-богачества и сметы нет. Да и тем мне не стать выхваляться. Славны мой отец с матерью, да и то мне добру молодцу не в похвальбу. А буде и есть чем мне, Ставру, гордиться, похваляться — так моей молодой женой Василисой Микуличной, родной дочерью славного русского богатыря — пахаря Микулы Селяниновича. Краше моей Василисы Микуличны никого на свете нет: она ростом, дородством, угожестью всех затмит; глаза синие с поволокою — поглядит — рублём подарит, брови чёрные густые — соболиные, щёки алые горят, будто маков цвет; шея белая — лебединая, а походка у красавицы павлиная. Засмеётся — золото повьётся, расплачется — жемчуг покатится; силой-храбростью вся в могучего отца, Микулу Селяниновича, а приветливостью-лаской в свою рódну матушку; умом-разумом да сноровитостью такова удалась, что весь стольный Киев купит и продаст, твоих князей-бояр вокруг пальца обведёт и самого тебя, князь Владимир, с ума сведёт!

Вот какова моя Василиса Микулична! Так мне ль не похваляться молодой женой: на белом свете ей равных нет!

Всем князьям да боярам те слова не полюбились, а князю Владимиру похвальба в обиду пришла.

И все, кто был на пиру, приумолкнули. Князья-бояре по-недоброму на Ставра глядят, а Владимир-князь испроговори:

— Ай же слуги мои верные, вы берите Ставра под белые руки, посадите Ставра в погреба глубокие. Пусть-ко жена его из темницы повыручит: всех князей-бояр вокруг пальца обведёт да меня, Владимира, с ума сведёт.

Посадили Ставра в темницу за крепкий замок, за решётки железные. А был у Ставра верный слуга-паробок¹. Он садился на добра коня и скорым-скоро поехал во Чернигов-град.

¹ Паробок — юноша, оруженосец.

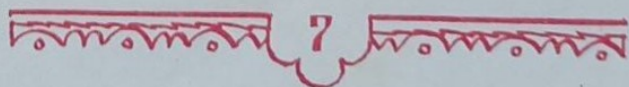

Старина-былина скоро сказывается, добрый молодец в пути спешит-торопится. И вот приехал он во Чернигов-град прямо на широкий двор Ставровых палат белокаменных, привязал коня к столбу точёному ко тому ли кольцу золочёному, на пяту¹ в палатах двери поразмахивал. В светлой горнице крест клал по-писанному, а поклоны вёл по-учённому: на четыре стороны низко кланялся, а хозяйке поклонился во особицу. А в ту пору у Василисы Микуличны была собрана застолица — весёлый пир. Гости званные сидели вокруг стола дубового, пили-ели, угощались, вели беседу задушевную.

Проговорил тут верный слуга-паробок:

— Ай Василиса Микулична! Ешь ты, пьёшь да с гостями беседу ведёшь, над собой невзгоды не ведаешь. А ведь беда-невзгода над тобой стряслась. Молодой Ставёр Годинович на пир у стольного князя Владимира похвалился тобой, молодой женой, что ты город Киев купишь и продашь, всех князей-бояр вокруг пальца обведёшь, и самого Владимира стольного

¹На пяту — наотмашь, широко, во весь размах.

с ума сведёшь. Вот за это хвастовство, за эту похвальбу прогневались Владимир князь да подколенные князья со боярами и посадили Ставра Годиновича в темницу за крепкий замок, за железные стены решётчатые...

Как услышала те речи Василиса Микулична, она вскочила из-за стола дубового:

— Не до пира мне, гости желанные, не до беседушки! Вы ступайте, расходитесь по своим дворам, а я, горюша-горькая, подумаю, как мне невзгodu избыть, мою надёжу, молодого Ставра Годиновича, из тюрьмы-неволи повыручить.

Разошлись гости званые, разъехались, а Василиса Микулична принялась думу думати: «Золотой казной Ставра мне не выкупить, силой бранной Ставра из неволи не выручить — не собрать такой дружины храброй во Чернигове. Буде только хитростью-мудростью да затейными бабьими увёртками я могу мою надёжу — молодого Ставра из тюрьмы-неволи повыручить». Тут вскочила она на резвы ноги, брала ножницы острые, обрезала свои косы длинные, завила кудри по-молодецкому. Надевала штаны чёрно-бархатные, на ножки-сапожки зелён сафьян. Носки у сапожек шильцем острые — около носочка яичко кати, а под пятой — воробей пролетит. Собиралась-наряжалась, стала добрым молодцем Васильем Микуличем. Шапонька на нём соболиная, уши-ста-пушиста завесистая, покрывала кудёрки жёлтые. Всё убранство на ней да доспехи — богатырские. Отобрала-выбирала дружинушку хоробрую: сорок молодцев — удалых стрельцов. Заходила в конюшню стоялую, вывела жеребчика неезженного. Взнуздала добра коня, обихаживала: клала потничек шелковенький, на потничек накладывала войлочек, на войлочек седёлышко черкасское, черкасское¹ седёлышко недержаное и двенадцать шелковых подпругов затягивала. Пряжки у подпругов чиста золота, шпенёчки

¹Черкасское (седло) — черкесское, восточное.

в пряжках и седельные стремяна булатные. То не ради басы-красы, а ради крепости: шёлк, он не рвётся, булат не гнётся, не ломается, красное золото не ржавеет.

Видели, как Василиса Микулична на коня садилась, да не видели, как со двора укатилась, только пыльная курева столбом поднялась. Скоро старина-былина говорится-спевается, а удалая поленица¹ со своей дружиной всё вперёд подвигается. На полпоприща² от стольного города Киева пораздёрнула шатры белополотняные, оставила в шатрах свою дружину: сорок молодцев — удалых стрельцов, а сама поехала ко Владимиру Солнышку. Среди двора широкого коня оставила и вошла в палаты княженицкие. Она крест там кладёт по-писаному, поклоны ведёт по-учёному: бьёт челом, низко кланяется на все четыре стороны, а Владимиру-князю во особицу:

— Здравствуй, Солнышко Владимир стольно-киевский со своей княгиней со Апраксией, с молодой племянницей Забавой Путятичной!

Ласково, приветливо князь Владимир поздоровался, стал гостя выпрашивать:

— Кто ты есть таков, удалый добрый молодец; из какой орды, из какой земли и какого роду-племени да как тебя по имени звать, величать по отчеству. И куда ты теперь путь держишь?

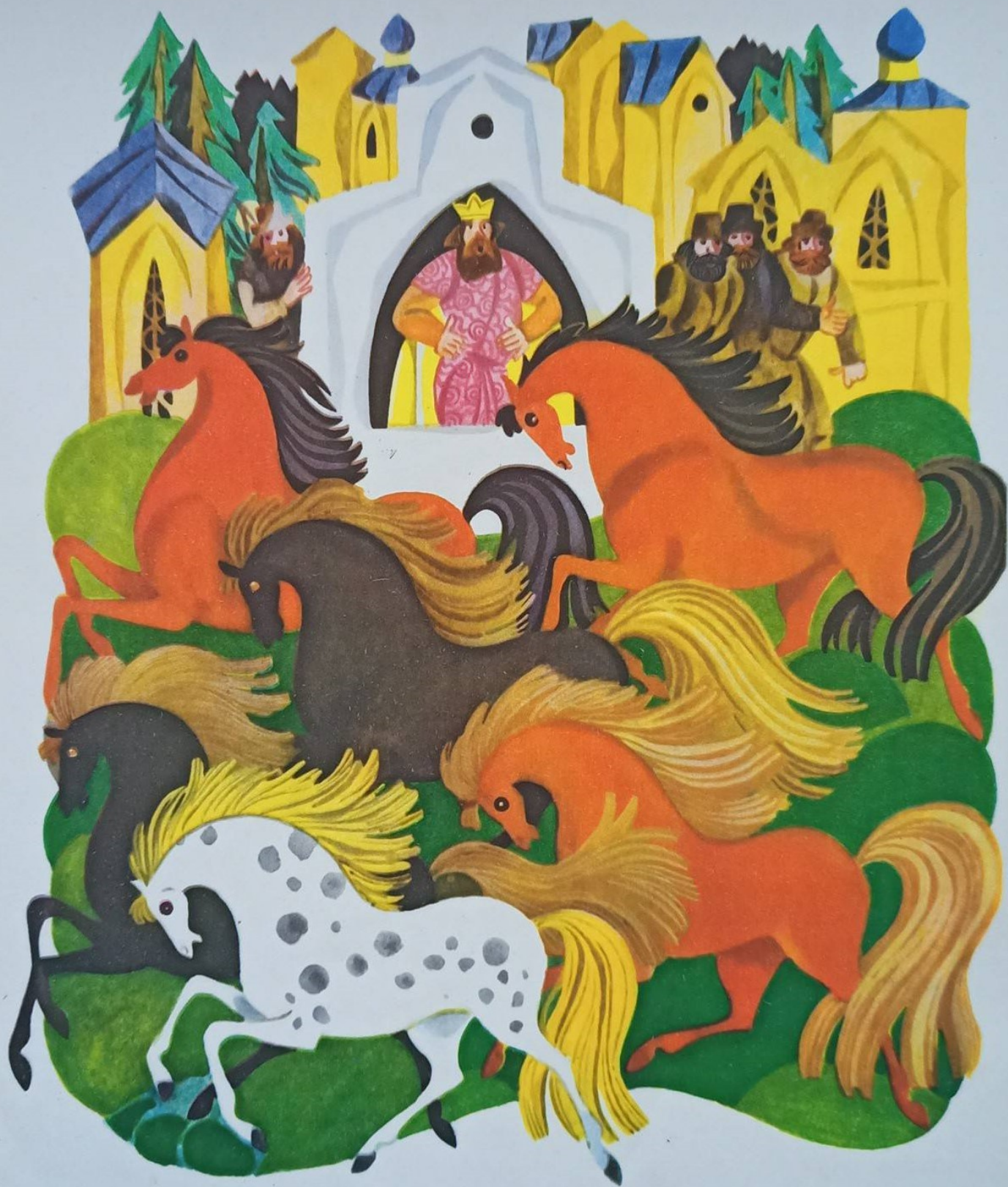
Поклонился молодец князю Владимиру:

— Приехал из земли Ляховицкой³, я сын короля Ляховицкого, зовут меня Васильем Микуличем. А приехал к тебе, князь Владимир стольно-киевский, я о добром деле о сватовстве на твоей на любимой племяннице, молодой Забаве Путятичне. Что ты скажешь мне в ответ Солнышко Владимир-князь?

¹ Поленица — богатырь, женщина-богатырка.

² Поприще — длина пути около 20 вёрст.

³ Земля Ляховицкая — Польша, иногда Литва.

Отвечает на те речи Владимир-князь:

— За честь тебе, королевский сын Василий Микульевич, спасибо. Я с племянницы воли не снимаю да и неволить её не стану. Пойду с ней да с княгиней Апраксией посоветуюсь.

Приходит он в терем к Апраксии и говорит таково слово:

— Ай же ты, княгиня Апраксия да любимая наша племянница, молодая Забавушка Путятична, вы ведь слышали, да и видели, как приехал к нам из земли Ляховицкой королевский сын, молодой Василий Микульевич. Он о добром деле, о сватовстве: сватает тебя, любимая племянница. Что же мне жениху сказать?

В один голос говорят в ответ княгиня Апраксия и молодая Забава Путятична:

— Ай и что у тебя сегодня на разуме? Ты просватываешь девицу за женщину, ведь наделаешь ты смеху по всей Руси. Ведь это есть, государь, женщина. Речь у неё с провизгом и походочка частенькая, пальцы на руках тонкие — женские, где перстни-жуковинья были, то место знать, и на лавке она сидит всё по-женскому. Не отдавай ты девицу за женщину!

Проговорил князь Владимир стольно-киевский:

— Как же мне быть, что в ответ сказать? Пойду ещё раз посмотрю, сам жениха поотведаю.

Говорит он гостю таковы слова:

— Не угодно ли тебе, королевский сын Василий Микульевич, с пути-дороги сходить в тёплую парную баенку¹, помыться-попариться?

Отвечает Василий Микульевич:

— Благодарствую, Солнышко Владимир-князь! Сходить в баню с дороги не худо бы.

Василиса Микулична была увёртлива — лукавая. Как истопилась только банька, выпускала из конюшни

¹Баенка — баня.

жеребчиков неезженных. Жеребчики были резвые, разыгались, по широкому двору разбегались. Загляделся, засмотрелся на них Владимир-князь. А Василиса Микулична скорым-скоро поспешила в баньку, намылась там, напарилась. Идёт в палаты княженецкие, а навстречу князь Владимир:

— Что ты, дородный добрый молодец, так недолго был в тёплой баенке, скоро умылся, управился?

— У тебя, князь Владимир, sprawy по-княжески да по-домашнему, а моё дело дорожное, мне не стать прохлаждаться, долго париться. Я жду, что ты скажешь, ответишь мне?

Воротился князь Владимир из баенки. Он намылся, напарился, стал племянницу спрашивать, молодой Забаве Путятичне выговаривать:

— Я отдам тебя замуж за королевского сына Ляховицкой земли, за славного Василия Микульевича!

— Ой да любимый ты мой дядюшка, Владимир-князь стольно-киевский! Я видела гостя и заметила: либо девица это, либо женщина. Пальцы тоненькие, как у женщины, от колец-жуковиньев на пальцах след, по походке, по голосу да по всем приметам-признакам — это женщина, и ты хочешь просватать меня, девицу, за женщину!

Заговорила тут княгиня Апраксия:

— Можно узнать, коль гостя в спальню позвать: проспит ночь с вечера до утра, тогда поглядим. Буде у изголовья останется широкая глубокая вмятина-ямина, то мужчина спал со плечами богатырскими.

Внял князь Владимир совету и вымолвил:

— Надо гостя с почётом принять, князей-бояр позвать поужинать.

В княжеском житье ни пиво варить, ни вина курить — всего вдоволь. Пораздёрнули столы, стали пир пировать, гостей потчевать. А как окончился пир-пирование, проговорил Солнышко Владимир-князь:

— Не угодно ли тебе, гость дорогой Василий Микульевич, после трудной дороги да после баенки на перине пуховой лечь спать-почивать.

— Благодарствую за хлеб-соль, за угощение. А отдохнуть с дороги не мешало бы.

Василиса Микулична была хитра-мудра, догадливая: переклала подушки, где ногам быть, и уснула она крепким, непробудным сном.

На другой день, рано поутру, как только вышла из спальни Василиса Микулична, улучили время князь Владимир со Апраксией, глянули на пуховик, на перину, увидали в изголовье у подушек глубокую, широкую яму-вмятину:

— Ну вот, видишь, — говорит князь Владимир, — добрый молодец тут спал, а не женщина, гляди, какая вмятина под плечами.

А Забава Путятична одно твердит:

— Свет-государь мой дядюшка! Не насмеши ты весь русский народ, не выдавай ты девицу за женщину. Говорит она нежно, тоненько, по-женскому, и всем сложеньем своим она есть женщина.

Испроговит Владимир-князь:

— Будь по-твоему, моя любимая племянница, молодая Забавушка Путятична. Ещё раз испытаю жениха, поотведаю.

Приходит он к жениху из Ляховицкой земли:

— Удалой добрый молодец, молодой Василий Микульевич! Не угодно ли тебе с моими боярами поразмяться-потешиться, идти с ними на широкий двор да стрелять там в колечко золочёное и попасть-угодить в остриё во ножовое, чтоб раскололась стрелочка надвое, половинки стрелочки чтоб были мерой одни и весом равны?

Отвечает Василий Микульевич:

— Остались мои стрельцы-молодцы во чистом поле,

во бѣлых шатрах. Видно, надобно мне самому поотведати, самому с твоими боярами потешиться.

И выходит после этого на широкий двор. Первым там стрелял боярин княжецкий. Он первый раз стрелил, не дóстрелил. Другой раз стрелил да перéстрелил, а его третья стрела вовсе в сторону ушла.

— Стреляй-ка ты теперь, Василий Микульевич, — ему князь говорит.

Гость натягивал тугой лук, отпускал тетиву шелковую; запела тетива, полетела стрела калёная, угодила прямо в центр кольца золочёного, во то ли во ножовое остриё, рассекалась стрела надвое. Половинки стрелы мерой одинаковы и весом равны. И тут проговорил Василий Микульевич.

— Ну вот и в стрельбе я потешился, а ведь приехал сюда не на стрельбище, а о добром деле, о сватовстве. Что ты мне скажешь, князь Владимир Солнышко?

Говорил Владимир стольно-киевский:

— А пойду я с племянницей подумаю да с княгиней Апраксией посоветуюсь.

Приходит ко княгине да к племяннице и говорит таковы слова:

— Сколько я пытал да проводывал, по всему видать, что гость из земли Ляховицкой, молодой Василий Микульевич, есть дородный добрый молодец, а вы напраслину на него наговаривали. Вот сейчас только он из лука стрелял: с первого разу в золочёное кольцо попал, в золочёное кольцо, во ножово остриё, рассекал стрелу, обе надвое, обе половины мерой одинаковы и весом равны. А мой лучший стрелок и в кольцо не попал.

Заломила руки Забава Путятична:

— Ой тошно мне, тошнёшенько, любимый ты мой дя-дюшка, князь Владимир стольно-киевский! Вздумал ты просватать меня, девицу, за женщину! Сколько раз я говорила, что повадки-приметы у гостя-жениха все женские.

Насмешишь ты этой свадьбой весь народ, заставишь меня, девушку, со стыда сгореть. Ведь говорила тебе о том и дёдинка¹ княгиня Апраксия, а ты на своём стоишь, нас не слушаешь!

— Ну так что, — сказал на то Владимир-князь, — видно, надобно ещё в последний раз испытать жениха, попроведати!

Приходит он к Василию Микульевичу:

— Ах ты гой еси, гость дорогой, добрый молодец! Мои молодые бояре, борцы-молодцы, зовут тебя на широкий двор побороться-потешиться, силой-ухваткой померяться!

Отвечал Василий Микульевич:

— Есть у меня в дружине на то охотники, да остались те борцы-молодцы в чистом поле, во белых шатрах. Видно, придётся мне самому, королевскому сыну, бороться с твоими боярами, хоть и не по чину, да делать нечего.

И выходит он на широкий двор, стал Василий Микульевич боротися.

Того ухватит в правую руку, другого в левую, а третьего в середину толкнёт да и валит наземь сразу по трое. Каких бросит, те и с места не встают, лежат да пойкивают.

Испроговорит Владимир стольно-киевский:

— Молодой Василий сын Микульевич! Укроти-ко своё сердце богатырское! Пойдём-ка лучше поиграем с тобой в шахматы, в дорогие тавлеи золочёные!

Отвечает дородный добрый молодец:

— Как ехал сюда, я про то не знал: игроки у меня дома оставлены. Разве что сесть самому поиграть.

А Владимир князь князей бояр позвал, что ни есть лучших игроков за стол посадил.

Сперва гость обыграл князя с княгинею и одного за другим всех князей-бояр, самых лучших игроков княжеских, и сказал князю Владимиру:

¹ Дединка — ласкательно: тётя, жена дяди.

— Солнышко Владимир стольно-киевский, я гощу у тебя уж который день, с твоими князьями-боярами потешился: в кольцо стрелял золочёное, во то ли в острий во ножовое, и боролся с ними, и в шахматы играл с тобой, князь Владимир, с княгиней Апраксией да с ближними боярами твоими, со князьями подколенными. А ведь приехал я о добром деле, о сватовстве на твоей племяннице молодой прекрасной Забаве Путятичне. Ты, князь, всё думу думаешь, всё советуешься, мне ответа ни да, ни нет не вымолвишь. У меня дело дорожное, ждать мне больше некогда. Буде честью невесту отдашь, станем пир пировать, станем свадьбу играть. А по чести не отдашь, я с войском приду и силой возьму!

Не пошёл Владимир-князь племянницу спрашивать, стал он Забавушку Путятичну просватывать.

Рукобитье-сговор сделали. В княжеских палатах белокаменных дубовые столы раздёрнули, всяких естущек сахарных, разносолов, кушаньев, зелена вина да питьев медвяных наставили. Созвали гостей со всех волостей: тут князья подколенные, бояре ближние, славные могучие богатыри, именитые купцы-гости торговые да посадские люди собрались, и начался пир-горой, пированье-столование.

Гости пьют-едят, угощаются, разговор ведут, беседу весёлую, только жених да невеста невеселы сидят. Они не пьют, не едят, не кушают, белой лебеди не рушают, разговоров весёлых не слушают. А свадебный пир идёт уж третий день.

Солнышко Владимир-князь стольно-киевский наливает чару зелена вина, не малу чару, полтора ведра, подносил эту чару жениху со невестою и говорил таковы слова:

— По обычаю нашему русскому жених с невестой из одной чары пьют на свадебном пиру. Пейте и вы, Василий

Микульевич да любимая моя племянница, молодая Забава Путятична, эту чару во здравие!

Жених с невестой чару выпили, да веселья у них не прибавилось. Покричали гости «горько», стали спрашивать:

— Чего, Василий Микульевич да Забава Путятична, невеселы, свои буйны головы повесили?

Тут и князь Владимир стал спрашивать, жениха началпытывать:

— А ведь сущую правду гости молвили. Ты чего, Василий Микульевич, затуманился-запечалился, опустил буйну голову ниже плеч, аль недоволен чем? Либо недужится, худо можется?

Отвечал жених Василий Микульевич!

— Благодарствую Солнышко Владимир стольно-киевский! Я здоров и доволен всем. А схудумилося мне: пала дума на сердце о родимой стороне. Что там теперь деется? Здоровы ли мои родители: король с королевой земли Ляховицкой? Коли бы ты позвал музыкантов-гусяров поиграть, порассеять мою грусть-тоску. Гусярами-музыкантами ведь Киев славится!

Не медля князь Владимир велел гусяров позвать. Завели гусяры песни весёлые играть, а жених по-прежнему печальный сидит, затуманенный да кручинный. Он послушал, послушал гусяров и вымолвил:

— Слышал я, Солнышко Владимир стольно-киевский, что есть у вас в Киеве чудо-музыкант, гусяр Ставёр Годинович. Он горазд играть на гусях звончатых. Послушать бы мне того гусяра, может, и развеялась бы моя грусть-тоска!

Поразмыслил князь Владимир, призадумался: «Мне как выпустить из тюрьмы Ставра, так не видать Ставра, а не выпустить Ставра, так разгневить жениха». Не посмел он жениха разгневить и выпустил из тюрьмы Ставра Годиновича. Привели его в палату столовую и принялся Ставёр на гусях играть.

Развеселился Василий Микульевич, говорит он таковы слова:

— А ты помнишь ли, Ставёр, памятуешь ли, когда были мы с тобой ещё маленькие, приезжал я со своим батюшкой, королём земли Ляховицкой во Чернигов-град, и мы вместе с тобой грамоте училися, а ты часто ко мне в доску заглядывал да мои письма списывал?

А Ставёр Годинович в те речи не вчуется, разговор мимо уха пропускал:

— Я с тобой грамоте не учивался.

Тут ещё раз гость-жених спрашивает:

— А ты помнишь ли, Ставёр, вспоминаешь ли, как в ту пору, когда я был у вас в Чернигове, мы с тобой на улицу побегивали, в игры ребячьи поигрывали. Я задорен, сноровист был на выдумки, а ты ещё сноровистее, да ухватистее и всегда меня обыгрывал-переигрывал.

А Ставёр Годинович в разговор не вдаётся да своё твердит:

— Я не знаю тебя, не ведаю и ни в какие игры в малолетстве с тобою не игрывал.

Проговорил Василий Микульевич:

— Солнышко Владимир стольно-киевский! Отпусти-ка ты гусяра съездить со мной во чисто поле до моих шатров белополотняных посмотреть мою дружинушку хоробую. Авось он признает кого из наших сверстников и вспомнит забавы наши детские.

Думает Владимир стольно-киевский:

«Мне отпустить Ставра, так не видать Ставра, а не пустить Ставра, так разгневить жениха».

И не смеет жениха прогневить. Отпустил Ставра съездить до бела шатра, посмотреть дружинушку хоробую.

Приехали Василий Микульевич с гусяром Ставром во чисто поле ко шатрам белополотняным, слезли они со добрых коней. Тут молодой Василий Микульевич скорым-скоро вбежал в свой нарядный шатёр. Там снимал он платье молодецкое, надевал на себя платье женское, вышел из шатра и вымолвил:

— Ну, а теперь Ставёр, ты признал ли меня?

Говорил молодой Ставёр Годинович:

— Ах ты ай, молодая Василиса Микулична, моя верная жена, любимая семья! На пиру-то у князя Владимира будто затмение нашло, думал, вправду ты королевич из земли Ляховицкой, а что ты там была, мне и на ум не пришло. Не воротимся мы в Киев-град, а уедем домой во Чернигов!

Проговорила Василиса Микулична:

— Мы не тати с тобой, не разбойники, чтоб тайком убегать домой. Мы воротимся ко князю Владимиру со княгиней со Апраксией да с князьями его подколенными, с боярами ближними. Надо пир допировать да за хлеб-соль, за угощение спасибо сказать.

Приехали они ко князю Владимиру, и говорил тут Василий Микульевич:

— Солнышко Владимир стольно-киевский! За какую

вину был посажен тобой Ставёр Годинович за решётку, за крепкий замок, в погреба глубокие?

Отвечал князь Владимир стольно-киевский:

— А похвастал он своей молодой женой, что князей-бояр всех повыманит — вокруг пальца обведёт, меня, Солнышка Владимира, с ума сведёт.

Говорила Василиса Микулична:

— Так что же у тебя теперь на разуме? Ты просватал девицу за женщину, молодую Забаву Путятичну за меня, за Василису Микуличну, и пируешь пир, играешь свадебку?

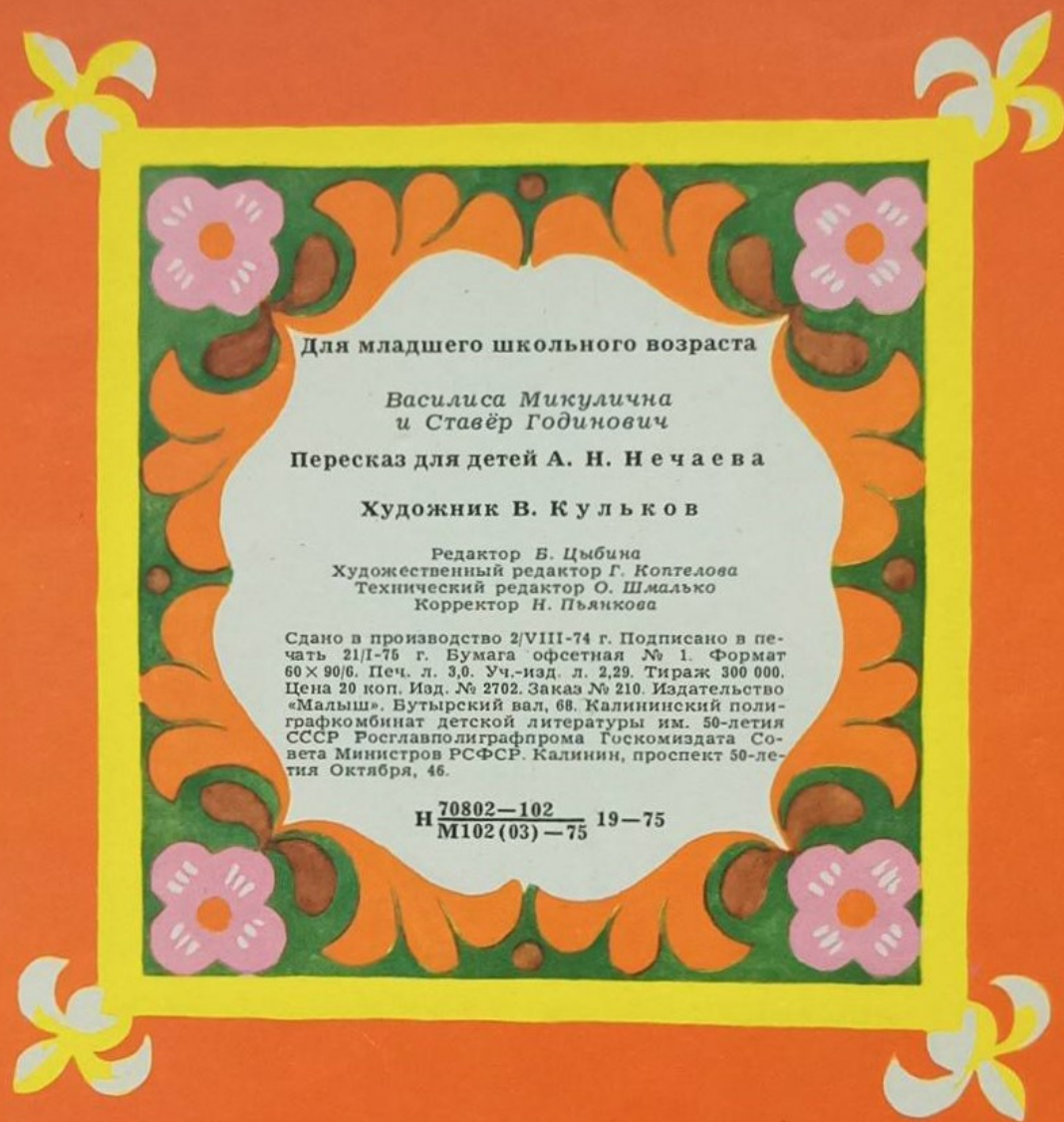
Тут князья-бояре все скосоротились. Солнышку Владимиру к стыду пришло. Повесил буйну голову ниже плеч, утопил ясны очи во сыру землю, сам проговорил таково слово:

— Ай же ты, Ставёр, сын Годинович! Не пустым ты, вижу, хвастался. Ты отныне век-по-веку торгуй в Киеве городе без пошлины!

На том старина-былина и окончилась. А про Василису Микуличну да Ставра Годиновича поют эту песню век-по-веку: синему морю на тишину, а всем добрым людям на послушанье!

Для младшего школьного возраста

*Василиса Микулична
и Ставёр Гоудинович*

Пересказ для детей **А. Н. Нечаева**

Художник В. Кулков

Редактор *В. Цыбина*
Художественный редактор *Г. Коптелова*
Технический редактор *О. Шмалько*
Корректор *Н. Пьянкова*

Сдано в производство 2/VIII-74 г. Подписано в печать 21/I-75 г. Бумага офсетная № 1. Формат 60 × 90/6. Печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 2,29. Тираж 300 000. Цена 20 коп. Изд. № 2702. Заказ № 210. Издательство «Малыш», Бутырский вал, 68. Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Н 70802—102
М102(03)—75 19—75